

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

John Julius Norwich

A SHORT HISTORY OF BYZANTIUM

Джон Норвич

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(4) “04/14 “
ББК 63.3(0)4
Н82

Серия «История в одном томе»

John Julius Norwich
A SHORT HISTORY OF BYZANTIUM

*Перевод с английского Н.М. Забилоцкого
Компьютерный дизайн В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Felicity Bryan Ltd. и Andrew Nurnberg.

Норвич, Джон.

Н82 История Византии / Джон Норвич ; [пер. с англ.
Н.М. Забилоцкого]. — Москва: Издательство АСТ, 2015. —
544 с. — (История в одном томе).

ISBN 978-5-17-094752-2

Византийская империя.
«Второй Рим».

Великое государство, колыбель православия, очаг высокой культуры?

Тиранья, безжалостно управлявшая множеством покоренных
народов, давившая в подданных всякий намек на свободомыслие и жажду
независимости?

Путешественники с восхищением писали о блеске и роскоши
«Второго Рима» и с ужасом упоминали о безжалостной жестокости интриг
императорского двора, о многочисленных религиозных и политических
распрях, терзавших империю, о феноменально скандальных для
Средневековья нравах знатных византийцев...

Византийская империя познала и времена богатства и могущества, и дни
упадка и разрушения.

День, когда Византия перестала существовать, известен точно: 29 мая
1453 г.

Но многие ученые считают, что покорившие Константинополь турки
лишь довершили неизбежное.

Так ли это?

Что стало причиной падения Византийской империи?

Об этом рассказывает в своей уникальной книге сэр Джон Джулиус
Норвич.

УДК 94(4) “04/14 “
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-17-094752-2

© John Julius Norwich, 1997

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Часть I. РАННИЕ ВЕКА	15
1. Константин Великий (до 337)	17
2. Юлиан Отступник (337–363)	39
3. Империя в трудном положении (363–395)	51
4. Падение Запада (395–493)	60
5. Возвышение Юстиниана (493–540)	88
6. Юстиниан: последние годы (540–565)	111
7. Первый крестоносец (565–641)	126
8. Ираклиева ветвь (641–711)	144
9. Иконоборчество (711–802)	159
Часть II. АПОГЕЙ	177
10. Восстановленные иконы (802–856)	179
11. О патриархах и заговорах (857–867)	205
12. Македонянин и Мудрый (867–912)	219
13. Кроткий узурпатор (912–948)	236
14. Ученый император (945–963)	255
15. Рассказ о двух военачальниках (963–976)	265
16. Болгаробойца (976–1025)	290
17. Начало заката (1025–1055)	307
18. Манцикерт (1055–1081)	328
Часть III. ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ	347
19. Алексей Комнин (1081–1118)	349
20. Иоанн Красивый (1118–1143)	376

21. Мануил Комнин (1143—1180)	387
22. Четвертый крестовый поход (1180—1205).....	412
23. Возвращение на родину (1205—1261)	435
24. Анжуйская угроза (1261—1282).....	451
25. Два Андроника (1282—1341)	471
26. Император без амбиций (1341—1354).....	486
27. Вассал султана (1354—1391).....	497
28. Обращение к Европе (1391—1448).....	508
29. Падение (1448—1453)	527
Эпилог.....	541

Предисловие

Византийская империя с момента основания Константином Великим 11 мая 330 г. до взятия ее столицы Константинополя османским султаном Мехмедом II во вторник 29 мая 1453 г. просуществовала в общей сложности 1123 года и 18 дней — период, более протяженный, чем тот, что отделяет нас от времени завоевания норманнами Англии в 1066 г. Для всех, за исключением астрономов и геологов, такой период должен представляться весьма значительным — и если кто-то сочтет меня безрассудно дерзким из-за того, что я попытался вместить основные события этого времени в одну книгу, то я не стану возражать. Когда двенадцать лет назад я начал писать историю Византии, у меня не было подобного замысла — я лишь следовал замечательному совету Червонного Короля из «Алисы в Стране Чудес»: «Начни сначала и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — кончай!» В результате с 1988 по 1995 г. вышло в свет три книги общим объемом примерно тысяча двести страниц.

В первой из этих книг излагается история Византийской империи с момента ее основания до того времени, когда коронацией Карла Великого в Риме на Рождество в 800 г. было положено начало «Священной Римской империи». Во второй книге речь идет о правлении блестящей Македонской династии — до времени апогея ее власти при Василии II Болгаробойце, но завершается повествование рассказом о первом из трех крупнейших поражений, которые были нанесены Византии, в данном случае турками-сельджуками при Манцикерте в 1071 г. В третьей и последней книге показано, какие роковые последствия имело это поражение: империя потеряла большую часть территории

Малой Азии — основного источника людских ресурсов, — государство обнищало и ослабло, в результате чего пало жертвой Четвертого крестового похода. Это варварское нашествие и последующие пятьдесят семь лет латинского правления явились тем вторым ударом, от которого Византии так никогда и не удалось оправиться. История последних двух столетий империи, особенно на фоне впечатляющего подъема турецкого дома Османов, представляет собой тягостную картину. И лишь заключительная глава, при всей своей трагичности, снова поднимает читателю дух — что обязательно должны делать все героические сказания.

Но сможет ли обычный читатель добраться до этой главы, одолев тысячу двести страниц? Подобный подвиг в наши дни мало кому по силам, и мне подали разумную с виду идею: многие из тех, кого может расхолодить объем трилогии, с воодушевлением приняли бы ту же самую историю, если она будет сжата в один том. В результате появилась книга, которую вы сейчас держите в руках. Сокращение повествования до одной трети было трудоемкой и мучительной операцией, которая зачастую отдавала детоубийством: многие из моих любимых детищ — анекдотов и весьма удачных шуток — оказались за бортом повествования. Но если сокращенному изданию удастся пробудить интерес у какого-то количества читателей к странному, жестокому, однако бесконечно увлекательному миру Византии, то я не буду сожалеть ни об удаленном материале, ни о затраченном времени.

Как я указываю во введении, изначально написанном для трехтомного издания, мой труд не претендует на академическую научность — я как бы скользил на коньках по поверхности изучаемого предмета. Готовя настоящее сжатое издание, я испытывал такое ощущение, будто поменял коньки на катер на воздушной подушке. Но как бы там ни было, история Византии изложена в этой книге целиком и полностью, ничто из имеющего первостепенную важность не опущено. А если же вдруг темп повествования окажется для вас чрезмерным, а череда приводимых фактов чересчур плотной — что ж, вы можете обратиться к моей трилогии.

*Джон Джулиус Норвич
октябрь 1996 г.*

Введение

«**О**тносительно Византийской империи вердикт исторической науки таков: это государственное образование являет собой самую низкую и презренную форму, которую когда-либо принимала цивилизация... История не знает иных цивилизаций, имевших сколько-нибудь продолжительное существование, которые были бы в столь полной мере лишены всех форм и элементов величия... Ее пороки суть пороки людей, которые утратили храбрость, не научившись добродетелям... Рабы, и добровольные рабы — как в своих деяниях, так и в своих мыслях, — погруженные в чувственную сферу и предающиеся самым фривольным удовольствиям... История Византийской империи — это монотонная история интриг священников, евнухов и женщин, полная отравлений, заговоров, повсеместной неблагодарности, постоянных братоубийств».

Эта довольно удивительная диатриба взята из «Истории европейской морали» У.Э.Х. Леки, изданной в 1869 г. Удивительна она хотя бы потому, что последнее предложение в приводимой цитате представляет византийскую историю не столько «монотонной», сколько весьма даже занимательной. Однако суть высказывания автора от того не меняется и остается фактом, что в течение последних двухсот с лишним лет так называемая поздняя Римская империя подавалась в печати в самом ужасном свете. Длительная кампания диффамации, по-видимому, получила свой первоначальный импульс в XVIII в. от Эдуарда Гиббона*, который, как и все англичане его времени, имевшие клас-

* Гиббон, Эдуард (1737—1794) — знаменитый английский историк. — *Здесь и далее примеч. пер. (за искл. оговоренных случаев).*

сическое образование, видел в образе Византии предательство всего самого лучшего, что было достигнуто в Древней Греции и Риме в гуманитарной сфере. Лишь после Второй мировой войны, когда простота, скорость и относительный комфорт путешествий в Левант сделали наконец византийские памятники более доступными для обозрения, Восточной Римской империи стали воздавать должное и признавать ее — хотя и очень специфическим образом — как достойного наследника двух могущественных цивилизаций, исчезнувших до ее возникновения. Но старые установки отмирали с трудом. На протяжении пяти лет моей учебы в одной из самых старых и самых привилегированных частных школ Византия казалась жертвой заговора молчания. Я не могу вспомнить, чтобы она вообще упоминалась на занятиях, не говоря уже о том, чтобы ее хотя бы поверхностно изучали. Мое неведение было настолько полным, что я с трудом мог бы охарактеризовать это историческое государственное образование даже в самых общих терминах до тех пор, пока не поступил в Оксфорд. Я подозреваю, что и сейчас многие люди имеют такое же смутное представление о данном предмете; как раз для них и была написана эта книга.

Ее идея впервые возникла много лет назад — и не у меня, а у моего друга Боба Готлиба, который в то время редактировал журнал «Нью-Йоркер». Меня, помнится, несколько обескуражила объемность вставшей передо мной задачи, тем не менее я без колебаний взялся за дело. К тому моменту меня на протяжении уже более чем четверти века занимал византийский мир, а годы, которые я посвятил британской дипломатической службе — из них два с половиной я провел в Белграде, а три в Бейруте, когда он еще был одним из самых изумительных и комфортных мест в мире, — лишь усилили мою привязанность к Восточному Средиземноморью. В общем, все говорило в пользу того, чтобы я воплотил идею Боба Готлиба в жизнь.

Взявшись за написание своей первой книги — ради чего в 1964 г. покинул дипломатическую службу, — я посетил место, которое более чем какое-либо другое проникнуто духом Византии: речь идет о горе Афон.

Затем мне довелось в течение нескольких счастливых лет трудиться над книгой о Венеции, которая сначала являлась про-

винцией, а позднее — боковым отростком империи. В венецианском соборе Св. Марка — созданном, к слову, по образцу построенной Константином церкви Св. Апостолов, — и соборе Торчелло имеются византийские мозаики, достойные стоять в одном ряду с константинопольскими. Но насколько отличными друг от друга были два эти города — Константинополь и Венеция! Защищенная от *terra firma** спокойными водами лагуны, Венеция до самого конца своего независимого (в большей или меньшей мере) существования в статусе города-государства оставалась не затронутой внешними катаклизмами. Константинополь же находился под постоянной угрозой извне. Нашествие следовало за нашествием, осада — за осадой, но город вновь и вновь спасал героизм императора и его подданных. Венецианцы являлись холодными и безжалостными циниками, для которых на свете не было ничего важнее, нежели коммерческие интересы. Византийцев в первую очередь вела по жизни вера: для них Христос, Его Мать и все святые были столь же живыми, реальными личностями, сколь и члены их собственных семей. Наконец Венеция управлялась безликими комиссиями: группами выбранных людей, облаченных в черное; работали они в обстановке секретности, состав комиссий постоянно менялся, решения принимались коллективно, так что устранялась любая возможность явного выдвижения какой-то яркой личности. Византия же возглавлялась императором, равноапостольным лицом, наместником Бога на земле, который в своей ладони держал жизнь каждого из подданных. Некоторые из этих императоров становились героями, другие оказывались чудовищами, но никто из них не был скучным функционером.

По одной только этой причине данную книгу было интересно писать. Но кроме того, мне хотелось, чтобы она, по мере моих скромных возможностей, отдавала дань заслугам Византии. Наша западная цивилизация никогда не признавала надлежащим образом свою задолженность перед Восточной империей. А ведь не будь этого великого бастиона христианства, то что ждало бы Европу в столкновении с армиями царя Персии в VII в. или с войском багдадского халифа в VIII в.? На каком языке говорили бы мы сегодня и какому богу бы поклонялись? В культурной

* *Terra firma* — зд.: материковая часть суши (*лат.*).

области наши долги перед Византией также чрезвычайно велики. После варварских нашествий и падения Рима свет учености был почти полностью погашен в Западной Европе за исключением нескольких мерцающих огоньков монастырей; на берегах же Босфора он продолжал сиять, и древнее классическое наследие продолжало там сохраняться. Значительная часть того, что мы знаем об античности — особенно в таких областях, как греческая и римская литература и римское право, — была бы навсегда утрачена, если бы не ученые и переписчики Константинополя.

Однако эти безмерные заслуги на Западе считались чем-то само собой разумеющимся и в итоге были вообще забыты. В наши дни мы имеем перед собой лишь одно постоянное напоминание о гении византийцев: блеск их искусства. Никогда в истории христианства — и есть даже искушение добавить, что и в истории других мировых религий, — ни одной художественной школе не удавалось в столь полной мере ввести в свои работы духовное начало. Византийские теологи настаивали на том, чтобы религиозные художники и мозаисты ставили своей целью отображение образа Бога. Это было требование не малого порядка, но мы видим, что в церквях и монастырях империи оно с успехом преворилось в жизнь.

Наконец я хочу подчеркнуть, что эта книга не претендует на академическую ученость. Любой профессиональный византист найдет здесь мало такого, чего бы он уже не знал, — при том что, вероятно, он обнаружит много таких утверждений или мнений, с которыми не согласится. К сожалению, те четыре года изучения древнегреческого языка в упомянутой мной частной школе не позволили мне овладеть им хотя бы в такой мере, чтобы читать самые простые греческие тексты без словаря. Поэтому мне пришлось опираться почти исключительно на те первоисточники, которые существуют в переводах или кратких изложениях. С другой стороны, в позднейшие века количество вспомогательных источников становится столь обильным, что основная трудность заключалась не в получении информации, а в ее отборе. Так или иначе, я не буду делать вид, что занимаюсь чем-то иным, нежели бесхитрым катанием на коньках по поверхности своего предмета.

Но я никогда и не предполагал пролить новый свет на Византию и ее историю. Все, что я пытался сделать, это хоть в какой-то степени разрушить тот заговор молчания, из-за которого многие из нас практически не имеют никаких знаний о христианской империи, существовавшей столь длительное время и исповедовавшей высшие духовные ценности. И рассказать мне об этом хотелось настолько интересно и настолько точно, насколько сие в моих силах. Я не могу быть уверен, что читатель, перевернув последнюю страницу, отложит книгу с тем же сожалением, какое я испытал по завершении длительной, однако же исключительно увлекательной работы над ней. Но он по меньшей мере не сможет отрицать, что эта история была достойна того, чтобы ее рассказать.

ЧАСТЬ I

РАННИЕ ВЕКА